

БЫЛО ЛИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ ДЕВЯТИЧНОЕ СЧИСЛЕНИЕ? ¹

В тридевятом царстве...

Русские сказки

У Кирилла Туровского одним из важных композиционных приемов являются словесно-текстовые триады. См. пример текстопостроения, характерный для его торжественных «Слов» (с обозначенным числовым членением):

- Тѣмже, братье,
1(1): вѣрѣем Христѣ богѣ нашемѣ,
2(1): распенѣшемѣся поклонимѣся,
3(1): вѣскресшаго прославим,
4(2): вльшемѣся апостолом вѣрѣем
5(2): ѿ тронца единого познаем,
 господа и бога, спаса нашего Исѣса Христа,
 емѣже слава с отцемъ и с присватѣтым дѣхом
6(2): и своа ребра фомѣ показавшемѣ воспоим,
7(3): пришедшаго оживит нас похвалим
8(3): и просвѣтивъшаго ны исповѣдаем,
9(3): и всѣхъ благъ подавъшаго нам обилье вѣзвеличим
КТур XII сп. XIV, 419.

Данный девятичлен не обладает сквозной гомологичностью, имея отчетливое триадическое членение: 3+3+3. Троица — настолько явственный прообраз приведенной нумероформы, что исповедание Христа как Второй Ее Ипостаси размещено точно в середине второй словесно-текстовой триады. Подобные текстовые девятичлены с триадическим членением косвенно актуализируют «тридевятый» счет.

Несмотря на господство десятичного счисления число 10 фактически отсутствует среди символических величин в архаичных мифологических системах. В Библии 10 имеет мнемотехническое значение (10 пальцев), откуда его применение к 10-ти Заповедям (Исх 34.28; Втор 4.13) или к 10-ти казням Египетским (Исх 7.14 — 12.29). Отсюда вытекает представление о довольно большом количестве: Лаван «раз десять переменял награду» Иакова (Быт 31.7), а Иова 10 раз оскорбляли его друзья (Иов 19.3). «Сказание о Борисе и Глебе» (по списку СбУ XII/XIII) представляет редкий и потому загадочный образец десятичной нумероформы².

Древнерусское общество пользовалось десятичным счислением. Эта система счета сложилась еще в индоевропейскую эпоху. В индоевропейском десятичный счет сменил более ранний четверичный, в чем находит объяснение двойственное число индоевропейского числительного **oktō(u)* 'восемь'³. В древнерусском языке, как и далее во всех славянских языках, сохраняются следы четверичного счисления, потому что сочетания с малыми числительными от *одного* до *четырёх* противопоставлены сочетаниям с большими числительными начиная с *пяти*. Развитие как четверичного счисления, так и затем счисления десятичного было обусловлено строением самого древнего счетного инструмента — человеческой руки. Пятый, большой палец, на руке отделен от других четырех пальцев и в отличие от них мог использоваться как обозначение более крупной счетной единицы — четверицы '☞'.

¹ Исследование выполнено при поддержке Фонда Александра фон Гумбольдта и Российского гуманитарного научного фонда (проект № 00-04-0313а).

² См. Жолобов О. Ф. О числовых символах в древнерусском текстообразовании // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts, Frankfurt am Main usw., 1997. С. 188–189.

³ Winter W. Some thoughts about Indo-European numerals // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 13.

У ближайших соседей славян — в финно-угорских языках — наблюдаются еще более очевидные следы четверичного счисления при рано установившемся счете десятками. Так, однокоренные словоформы в венгерском, мансийском и хантыйском имеют значение ‘восемь’, а в финском, коми-зырянском и эрзя-мордовском — ‘четыре’ (см.: хант. *civ-d* и венг. *nyol-c* «восемь», ср. фин. *nelja* «четыре», коми-зырян. *nyl'*, эрзя-мордов. *cile*, манс. *cila* и т. д.). В финно-угорских меченых и немеченых парах у числительных просматривается парная организация счета. Она выражается с помощью присоединения дейктической частицы *tš* к так называемым меченым парам⁴.

Древнеславянские числительные также попарно сближены, но на других основаниях: **trьje*, **uetyre* содержат аллитерацию; **rktь*, **ьestь* стали одинаково заканчиваться на **-tь*; **ostь* стало заканчиваться на **-ть* под влиянием **sedь*; наибольшее воздействие со стороны соседнего числительного **desk* испытало числительное **devk*, отличающееся от него лишь одним звуком. В соответствии с индоевропейским **newn* в праславянском ожидалось бы **neвь*⁵. В ряду от 5 до 10 числительное *десять* у славян единственное числительное, которое наследует индоевропейскую форму. Остальные числительные у славян были морфологически видоизменены в ходе восстановления регулярных связей с порядковыми формами⁶. Морфологический характер числительного *десять* противоречит распространенному представлению о количественных числительных как дериватах *collectiva-abstracta* на *-ti*. Это числительное сохранило старый корневой *-t* и относится к консонантному мужскому склонению.

Сложилось устойчивое мнение о существовании особого девятичного счисления в древнерусском языке. А. И. Соболевский сформулировал этот взгляд в своих «Заметках по славянской морфологии»⁷. Он ссылаясь на следующие примеры: в одном из древнерусских слов, обличающих русских двоеверов, говорилось, что те поклоняются «виламъ и Мокоши, упиремъ и берегынямъ, ихъже нарицають три 9 сестрениць». Сходное чтение есть у Срезневского: Верують... въ вилы. ихъже числом г.ѣ. сестрениць Сл. Христ. Паис. сб. (Срезн. I, 651). Соболевский напомнил известную формулу русских сказок — «за тридевять земель», а также привел очень выразительные примеры с числительным «тридевять» из свадебного чина московских бояр XVI—XVII в. по спискам «Домостроя». Там говорится, что для новобрачных «изготовятъ 3 девять сноповъ ржаныхъ, поставятъ ихъ стоймо и на то ковер и постелю», «(боярыня держитъ на блюде) 3 девять лоскутовъ разныхъ цветовъ камки и тафты, 3 девять пенязей серебряныхъ золоченыхъ малыхъ». К девятичному счету Соболевский отнес также редкие примеры счета по 90 вроде сообщения неизвестного по имени Суздальца о пути на Флорентийский собор: «отъ Новагорода до Пскова два 90 версть (Малинин, Старец... Филофей, Киев 1901, приложения, стр. 82, 77)».

И. Поливка⁸ привел массу примеров девятичного счета из восточнославянского фольклора: после полетели они за *тридевять земель*; замыкаю я вас *тридевятью* замками, запираю я вас *тридевятью* ключами; Пойду из ворот воротами выду я в цистой полё. В цистом поли стрещю *тридевять* морь, *тридевять* озёр, *тридевять* рек, *тридевять* рущёф, *тридевять* лушкоф. Как с этих морь, с этих рек, с этих рущёф, с этих зеленых лушкоф стекается вся вода в синее морё, так бы у моей животинки стекалось молоцько в титоцки; одизимать *тридевять* ячменин; уизжаеть юн у чужоя царства, у чужья пакаления у *тридиватыя* гусударства и т. д. Лишь однажды встретилось выражение: *за два дзевять земель*.

Б. Унбегаун⁹ обнаружил девятичный счет в дипломатической переписке 1515—1517 г., связанной с крымскими татарами: *одну девять* поминков взял, 1516, ДСК, II, 310; а съ нимъ бы

⁴ Серебренников Б. А. О некоторых приемах восстановления архаических черт грамматического строя языков // Вопросы языкознания, 1965, № 4. С. 20.

⁵ Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. Heidelberg, 1960. P. 109.

⁶ Жолобов О. Ф. Древнеславянские числительные как часть речи // Вопросы языкознания. 2001. № 2. С. 96 и сл.

⁷ Соболевский А. И. Заметки по славянской морфологии // Slavia. 1926—1927. V. С. 451—453.

⁸ Polivka J. Les nombres 9 et 3 4 9 dans les contes des slaves de l'est // Revue des études slaves. 1927. VII. P. 217—223.

⁹ Unbegaun B. La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). La flexion des noms. Paris, 1935. P. 418—419.

еси прислалъ ко мнѣ *девятъ* кречатовъ, да *девятъ* портищъ соболей, да *третью девятъ* пришли горностаевъ, 1517, *ibid.*, 445; дай ты сыну моему Алпу отъ себя *три девяти* поминковъ, 1516, ДСК, II, 274; пожаловалъ есми сына своего Алпа царевича *трема девятми*, и ты дай отъ себя сыну моему Алпу *двѣ девяти*, а *третью девятъ* язъ ему отъ себя дамъ изъ казны, *ibid.*; проси шедъ у Ивана отъ царя Алпу царевичу *дву девятей* поминков, *ibid.*, 275; и др. В композите *тридевятъ*: и ты бы мнѣ прислалъ *тридевятъ* кречетовъ молодиковъ, 1515, ДСК, II, 156; да за *тридевятъ* поминковъ запросныхъ чтобъ было узорочье, 1517, *ibid.*, 445.

Все приведенные примеры связаны с «поминками», т. е. дарами, преподносимыми царственным особам. Дарение в этом случае выступает в качестве обрядового действия, как и упомянутое подношение даров на свадьбе.

Нельзя согласиться с Унбегауном, который усматривал в девятичном счете тюркское влияние. Ю. Шевелев (Scherech)¹⁰ в своей книге, посвященной истории славянских числительных, отклонил это предположение Унбегауна, потому что оно не только не содержало доказательств, но и противоречило общему характеру татаро-тюркских заимствований у славян. Эти заимствования не касались духовно-религиозной сферы. Кроме того, девятичный счет достаточно архаичен, чтобы предполагать татаро-тюркское воздействие. Шевелев особо подчеркнул народный характер текстов с девятичным счетом и отверг какое-либо церковно-книжное влияние. Вместе с тем Шевелев привел примеры девятичного счета в латышском при отсутствии его в литовском. Таким образом, в латышском фольклоре, вероятно, сказалось северно-русское влияние, обусловленное соседством с псковско-новгородским регионом. Сама формальная реализация девятичного счета в латышском совпадает со славянской, и счет девятками здесь также не превышает уровня трех, а латышское *trīdsdeviņi*, т. е. «тридевятъ», обозначает просто большое количество. С другой стороны, Шевелев не обнаружил ясных свидетельств финно-угорского влияния в распространении девятичного счета.

В балто-славянском разделе монографии «Indo-European Numerals» Б. Комри¹¹, подводя итоги многолетних исследований, отмечает, что происхождение «нональной» системы счисления в восточнославянских языках и в латышском остается неясным.

Полагаем, что сейчас источник девятичного счета может быть назван. Но прежде необходимо заметить, что о «девятичной» системе счисления можно говорить лишь условно. Функционально она не сопоставима с абсолютно господствующим десятичным счислением. Хотя девятичный счет означал наличие у числительного *девятъ* всех трех числовых форм, употребление множественного числа было ограничено лишь конструкцией с числительным *три*. Композиты «тридевятый» и «тридевятъ» фиксирует этот верхний уровень девятичного счета. Девятичный счет, в отличие от десятичного, опирается только на целые единицы. Им может быть обозначено лишь количество, кратное 9. Сам счет девятками опирается на морфосинтаксическую модель, неизвестную в десятичной системе: *первая девятъ, вторая девятъ, третья девятъ*. Как и в исходном сочетании *три девяти*, счет в последнем случае не выходит за границы трех. В отличие от этого сходные примеры типа *десѣтъ соугоуба* и *триѣмоученици* Конд XII, 101b являются риторическим украшением речи, а не общепринятой формой счета. Вместе с тем заметно разнообразие морфосинтаксических образцов в девятичном счете. Это доказывает его узуальный характер.

Развитие девятичного счисления может показаться естественным в свете этимологии числительного *девятъ*. Индоевропейское числительное **newn̥*, как предполагается обычно, содержит корень со значением 'новый'. Оно обозначает новый числовой ряд в четверичной системе счисления. Однако тема нового числового ряда, открываемого числом 9, у балтов и славян, как и у других индоевропейцев, не имела никакого продолжения. В балто-славянском употреблении числительное '9' из-за подчинения своего звукообраза следующему числительному особенно явно играет служебную роль

¹⁰ Scherech Ju. Probleme der Bildung des Zahlwortes als Redeteil in den slavischen Sprachen. Lund, 1952. S. 92.

¹¹ Comrie B. Balto-Slavonic // Indo-European Numerals. Berlin; New York, 1992. P. 722.

промежуточного звена в новой десятичной системе счисления. В праславянском возникла словоформа **devk* вместо ожидавшейся закономерно словоформы **nevъ*. Эта первоначальная форма *nevъ* фиксируется чешскими и сербскими названиями растения девясил: *nevicsilъ*, *nevmsilъ*. Ср. точную немецкую параллель — *Neunkraft*. Древняя консонантная форма *devk* встречается не только в композитах — общеславянском *девясил* и древнерусском *ДевѣАгорьскѣ* (в ЛИ ок. 1425 под 1147 г.), но и в количественных сочетаниях: *дѣвѣА рѣзно* ГрБ 621 (сер. 50 XII — нач. 1210).

Девятичный счет в общих его чертах у славян имеет индоевропейские корни. Числительные '7' и '9' у древних индоевропейцев варьируют, поскольку выражают «конкурентные» формы членения временного континуума — в частности, промежутки лунного календаря¹². В древних хронологических системах 28-дневный месяц, состоящий из четырех 7-дневных недель, основывается на смене лунных фаз, а 27-дневный месяц, складывающийся из трех 9-дневных недель, соответствует периоду, в течение которого Луна проходит зодиакальный круг. Вместе с тем следует заметить, что '9' имеет особую природу, обозначая, с одной стороны, полное число счетных единиц на разных уровнях десятичного счисления, а с другой стороны, являясь мультипликацией *numerus perfectus* '3'. Исконная полимотивированность числовых обозначений '9' и '3·9' подкреплялась новыми культурными влияниями в письменную эпоху, о примерах которых речь пойдет ниже.

Одно из наиболее древних свидетельств девятичного счета — новгородская берестяная грамота № 715, которая датируется первой половиной XIII в.:

тридѣвѣ(т)о анеело тридѣвѣ ароханело
избави раба жеѣ мнѣѣ трасавиче
молитвами свѣтыгѣѣ богородичѣ

Как отмечено А. А. Зализняком¹³, текст грамоты представляет собой заговор-молитву, а берёста с записью могла использоваться в качестве науза. Судя по всему, составителю заговора неизвестна христианско-ветхозаветная традиция, согласно которой число архангелов равно 7, а имена трех из них общеизвестны — Михаил, Гавриил и Рафаил¹⁴. Сакраментальные числа грамоты 3 и 9 напоминают о нумероформах, один из примеров которых приводился в начале статьи. Подобную же нумероформу, по существу, представляет собой исчисление ангельских чинов, которое в изложении Псевдо-Дионисия Ареопагита складывается из трех триад и в котором *начала*, *архангелы* и *ангелы* составляют седьмой, восьмой и девятый чины небесной иерархии (ДионАреоп XV₁, 37в). Однако в приведенном тексте священные числа 3·9, очевидно, связаны с другими интенциями. Словесный ряд *ангелы* и *архангелы* более напоминает здесь обычную для фольклорной традиции парную формулу, где удвоение имеет функцию сакральной идеализации¹⁵. Как варьируют однокоренные компоненты парной формулы, так варьирует и строй композита — *тридѣвѣть* и *тридѣвѣ*. Девятичлен с парным разбиением подобного типа и генерализующим членом «2+2+2+2+1» встречается у Кирилла Туровского:

1–2: Англи и архангли.
3–4: херовни и серафими.
5–6: власти и вл(д)чства.
7–8: прстоли г(с)ства.
9: и всѣ чиноначальѣ горнихы чиновы.

молатъ тѣ х(с)е ц(с)рю всего мира

КТурКан XII сп. XIV, 227 об. (СДРЯ, 94).

Ср. также: всѣ небсныгѣѣ силыгѣѣ стни англи архангли молите ба за ныгѣ грешныгѣѣ СбЯр XIII₂, 212 об.

¹² Roscher W. H. Die Sieben- und Neunzahl im Kultus und Mythos der Griechen / Abhandl. d. K. S. Gesellsch., d. Wissensch., phil.-hist. Kl. XXIV. 1. Leipzig, 1904. S. 73.

¹³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 428.

¹⁴ Мифы народов мира / Энциклопедия в двух томах. Т. 1. М., 1997. С. 110.

¹⁵ См. Жолобов О. Ф. Очерк теории гендиадиса (к описанию древнеславянской нумерологии) // Studien zur russischen Sprache und Literatur des 11.–18. Jahrhunderts. Frankfurt am Main usw., 1997. С. 195–207.

Автор заговора-молитвы стремится, найдя адекватную словесно-количественную формулу, достичь мистической глубины и магической полновесности. **Тридева(т)о** и **тридева** — число, связанное с магическим знанием, в котором *тридевятъ*, т. е. 27, обозначает несметное, баснословное, полносчетное множество. Почему? Потому что именно с помощью 27 знаков в десятичном счислении можно записать любое число. Первые девять знаков обозначают единицы, вторые девять знаков — десятки, третьи девять знаков — сотни. 27 — это число букв греко-византийского алфавита, который в IX в. станет и греко-славянским. Первые девять знаков с помощью дополнительных значков получали значения тысяч, десятков тысяч и т. д. Таким образом, «три девяти» буквоцифр могли символизировать полную исчерпанность не только смыслового, но и количественного ряда, т. е. мистическую величину, обладающую магической силой. См.:

1-я девять	2-я девять	3-я девять
— единицы	— десятки	— сотни
1 α´	1 ι´	1 ρ´
2 β´	2 κ´	2 σ´
3 γ´	3 λ´	3 τ´
4 δ´	4 μ´	4 υ´
5 ε´	5 ν´	5 φ´
6 ζ´	6 ξ´	6 χ´
7 ζ´	7 ο´	7 ψ´
8 η´	8 π´	8 ω´
9 θ´	9 Ϛ´	9 ϝ´

В Древней Руси сакральный символизм греко-византийской азбуки стал известен очень рано. Яркий пример тому — один из наиболее древних абецедариев, записанных на стене киевской Софии в XI в. Найден он был и впервые описан С. А. Высоцким¹⁶, а недавно вновь рассмотрен А. А. Зализняком¹⁷, который указал на его сакрально-символический характер.

В этом греко-славянском алфавите лишь 27 букв, и поэтому он не мог использоваться по своему прямому назначению — как перечень знаков для записи славянской речи. В алфавите 24 буквы греческие, а 3 — славянские — **Б, Ж, Ш**. Причем греческая буква *пси* записана сходно со славянской буквой *шта*. Славянские буквы заменяют отсутствующие греческие буквы *стигма*, *коппа* и *сампи*, которые имели лишь цифровое значение и в обычную греческую азбуку не включались. Алфавит начинается с альфы (по-славянски *азѣ*) и заканчивается омегой (по-славянски *отъ*), являясь символической отсылкой к стихам Апокалипсиса (1, 8): *Ѧзъ ѥсмь ѡлфа и ѡмеѡга, начѡтокъ и конѣць, глѣтъ гдѣ*.

Следует уточнить, что символика полноты в 27-буквенном алфавите обусловлена именно его трехдевятичленной структурой. Три славянские буквы в этом смысле выступают как символическая уровневая величина. Они не просто доводят 24 до 27, но и представляют 27 как $27=3 \cdot 9$. Софийский алфавит является самым кратким из древних полных абецедариев и очевидным образом связан со счетом. Традиция, представленная этим граффити, может свидетельствовать о том, что буквенная цифирь была освоена раньше, чем собственно звуковой алфавит. Потребности в ведении счета присущи самым простым формам хозяйственно-бытовой деятельности, в отличие от владения письменной речью. Неслучайно в древнеславянской лексеме *чисти*, имеющей индоевропейское происхождение, совмещались значения ‘считать’, ‘читать’, ‘ценить, почитать’ (Срезн. III, 1525–1526).

В связи с вышеизложенным было естественно ожидать, что начальная глаголица будет содержать число буквоцифр, кратное 9. Этим условиям удовлетворяет начальный глаголический алфавит, который был реконструирован Трубецким¹⁸: в нем 36 буквоцифр. Однако девятичная

¹⁶ Высоцкий С. А. Средневековые надписи Софии Киевской. XI–XVII вв. Киев, 1976. С. 12 и сл.

¹⁷ Зализняк А. А. 1999. О древнейших кириллических абецедариях // Поэтика. История литературы. Лингвистика / Сб. к 70-летию Вяч. Вс. Иванова. М., 1999. С. 555–558.

¹⁸ Trubetzkoy N. S. Altkirchenslavische Grammatik. Wien, 1954. S. 22.

символика не получила распространения на славянском юго-западе. В трактате Храбра об этом ничего не говорится, а славянский алфавит по его сообщению содержит 38 букв: **и сытвори имѣ, ѿ писмена и осмь** Храбр к. IX — н. X сп. 1348, 101 об.

Другим источником тридевятичного счета, вероятно, мог бы стать древний абак. Однако о счетном инструменте с девятичным членением в Древней Руси ничего не известно. Три различных типа предметов в упомянутом выше свадебном обряде предположительно могут быть субститутами предметно-счетных единиц абака. Однако ограничение единиц абака тремя уровнями счета трудно объяснимо. В гипотетических реконструкциях древнерусского абака выделяются совершенно иные единицы — единицы и пятерки, а также разные уровни десятичного роста¹⁹.

Образ «тридевяти» как символа исчерпанности количественного ряда обнаруживает не только греко-византийский алфавит, но и греко-византийские тексты. В древнерусской письменности раннее упоминание его содержится в переводном тексте XII в. — Ефремовской Кормчей. Здесь встречаются следующие формы: *три девѣти*... лѣтъ 2426 (греч. τρις ἐννέα... ἐνιαυτοί); *въ третьюю же девѣть* (греч. ἐν δὲ τῇ τρίτῃ ἐννάδι / ἐννεάδι). Славянский перевод во всем фрагменте довольно невнятен. Из греческого текста явствует, что невольное убийство может быть искуплено в «трегубый» срок, где каждая из трех ступеней длится девять лет. В первые девять лет совершивший преступление лишается церковного общения, во вторые девять лет ему может быть дозволено стоять в притворе с оглашенными, в третью «девятерицу» (в греч. здесь существительное) он допускается к общей молитве и причастию. Таким образом, здесь составное числительное *три девѣти* обозначает реальное число 27. Однако эта реальная величина является и величиной идеальной, которая символизирует исчерпанность количественного ряда. Именно такой смысл имеет данное числительное в упоминавшихся старорусских обрядах дарения и брака, где «первая девять» символически воплощает полный ряд единиц, «вторая девять» — полный ряд десятков, а «третья девять» — полный ряд сотен и следующих за ними чисел.

Таким образом, Шевелев заблуждался, когда видел в девятичном счете исключительный и загадочный плод народной культуры. Источник сакрально-символического девятичного счета находится в кругу книжного знания. Народная словесность в Древней Руси, однако, обнаруживает исключительную чуткость и восприимчивость к сокровенному знанию письменной культуры.

В приведенном примере из грамоты № 715 преобразование сложной синтаксической формы типа *три девѣти* в однословную *тридевять* > тридевято (т.е. тридевять) или *тридевя* в результате словообразовательной компрессии не является самым ранним. Более ранние примеры относятся к XII в. и связаны с аналогичными формами десятичного счисления. Так, в КЕ XII обнаружили следующие чтения: того же отъ *дѣвѣдесѣти* девѣтыглавы 2066; того же отъ *тридесѣти* девѣтааго празднааго посылани 215, где предполагается существование исходных форм *двѣдесѣть* и *тридесѣть*. Можно предположить, что здесь встречается не композит, а застывшая номинативная форма первой части составного порядкового числительного. Однако в последнем случае ожидалась бы форма *три десѣте*. Вместе с тем ничто не препятствует видеть в этих примерах именно композиты, потому что аналогичные формы были известны, с одной стороны, старославянским памятникам, а с другой стороны, раннедревнерусским народно-разговорным источникам (см. ниже). Нельзя упускать из виду корреляцию количественных и порядковых форм, а последние издревле известны в композитном варианте. Ср. в КЕ XII, 85б: ꙗко бо ѿс хсъ въ *тридесѣть*но ѿлето просвѣщенъ бысть и начать оучити. Таким образом, в этом случае, как и при образовании славянских числительных в целом, проявила себя взаимозависимость количественных и порядковых форм числительных. Исследователи эти два взаимосвязанные класса слов рассматривают изолированно, а это противоречит их узуальной природе.

Впервые композитные обозначения десятков фиксируются уже в Супр: **двѣдесѣти ти пѣти** 230₁₂; **по девѣти сътъ и тридесѣти** 92₅, при том что порядковые числительные имеют

¹⁹ Ср. Симонов Р. А. Естественная мысль Древней Руси: Избранные труды. М., 2001. С. 102 и др.

композиционную форму²⁰. Аналогичная форма встретила также дважды в грамоте № 630 (20–50 XII): о: ньжка *довадъсѣть* бърковско бѣз бърковска оу гониця бѣз бърковска *довадъсѣть*. Правда, хотя эта форма приводится в данной грамоте дважды, она может быть опиской среди многих других в этой грамоте. Поскольку она не является единственной для данного периода, ее можно признать реальной. Тогда эту форму следует считать результатом словообразовательной компрессии: рядом с исконной парой коррелятов *десѣть* — *десѣтьи* естественно развитие новой пары *дѣва десѣти* — *дѣвадесѣтьи* > *дѣвадесѣть* — *дѣвадесѣтьи*. Фонетическая редукция флективного *-и* и звуковой переход *двадесѣти* в *двадесѣть*²¹ маловероятны в условиях живого употребления двойственного числа, при том что в этой же грамоте встречается правильное морфологическое двойственное число (вновь с опиской: *бѣз доувоу ногоутоу*).

Счет по *девяноста* встречается намного реже, нежели собственно девятичный счет. Он также не превышает уровня трех, и это, как и родство обозначающих, сближает его с девятичным счетом. На счет «по девяностам» указал в своем Словаре Срезневский (I, 650): Домонтъ со Псковичи съ *трема девяносты* плѣни землю Литовскую... *два же девяноста* мужь отпроводи съ полономъ въ Псковъ Новг. IV л. 6774 г.; *Дѣѣ же девяностѣ* мужь отпроводи съ полономъ, а *во единомъ девяностѣ* самъ ся оста, жда по себѣ погони Псков. I л. 6773 г. Срезневский дает также примеры из старинных фольклорных текстов: *Два девяноста* то мѣрныхъ верстѣ промежу обѣдни и заутрени Ив. Гост. с. *Два девяноста* то мѣрныхъ верстѣ проѣхаль Иванушка въ два часа Иван. Годин. Счет по *девяноста*, как и девятичный счет, сохраняет образность и родство с народной словесностью. Становится понятным, почему этот счет в приведенных примерах связывается с числительным *два*. Это естественное отражение срединного, второго места числительного *девяноста* в девятичном числении. «Вторая девять» — это и есть ‘90’, а «две девяти» — ‘18’, прознаменующие ‘99’. В связи с девятичным счетом проясняются основания звуковой соотнесенности числительных *девяноста* и *сто*. *Девяноста* как полное число «второй девяти» соотнесено с обозначением полного числа «третьей девяти» — *девятъ сѣтъ* — обозначая вместе с тем приближение к счетной единице «третьей девяти» — *сѣто*. Поэтому цепь изменений звукообраза ‘90’ могла быть различной — например, следующей: *девятъ десѣтъ* > *девядесѣтъ*, *девя-до-ста* > *девяноста* > *девяностѣ*²².

ИСТОЧНИКИ И СОКРАЩЕНИЯ

- ГрБ (+ номер грамоты) — Новгородские грамоты на бересте // Зализняк 1995, 223–573; Янин, Зализняк 1999²³.
 ДионАреоп XV₁ — Псевдо-Дионисий Ареопагит «О небесном священноначалии» по рукописи первой половины XV в. // Громов М. Н., Милюков В. В. Идейные течения древнерусской мысли. СПб., 2001.
 КЕ XII — В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований. Т. I, вып. 1–3. СПб., 1906–1907.
 Конд XII — Der altrussischer Kondakar: Auf der Grundlage des Blagovmlyienskij Nihegorodskij Kondakar. Hrsg. von Dostál und H. Rothe. T. V: Das Kirchenjahr 3. April bis August. Giessen, 1980.
 КТур XII сп. XIV — И. П. Еремин. Литературное наследие Кирилла Туровского / ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13.
 ЛИ ок. 1425 — Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1962.
 СбУ XII/XIII — Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подг. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон. М., 1971.
 СбЯр XIII₂ — Сборник молитв, Ярославский музей-заповедник, № 15481 (по фотокопии).
 СДРЯ — Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. Том I. М., 1988.
 Срезн. — И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка: Репринт. изд. Т. 1–3. М., 1989.
 Храбр к. IX — н. X сп. 1348 — «О письменех черноризца Храбра» по среднеболгарской рукописи 1348 г. // Н. Каринский. Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. Ч. 1: Древнейшие памятники. СПб., 1911.

²⁰ Vaillant A. Manuel du vieux slave. Tome I: Grammaire. Paris, 1948. P. 19.

²¹ Ср. Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 116.

²² Ср. Stang Chr. «Russisch devjanosto» // Lingua viget: Commentationes Slavicae in honorem V. Kiparsky. Helsinki, 1964. S. 129; Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 116; Szemerényi O. Studies in the Indo-European system of Numerals. Heidelberg, 1960. P. 65–66.

²³ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995. С. 116; Янин В. Л.; Зализняк А. А. Берестяные грамоты из раскопок 1998 г. // Вопросы языкознания. 1999. № 4. С. 3–27.

